

Андриевских Татьяна

В тыквах под снегом

Татьяна Андриевских

В тыквах под снегом

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69898600

SelfPub; 2023

Аннотация

Приключенческая повесть, немного сюрреалистичная, смешная и грустная, о трудном периоде в жизни маленьких детей, об их преодолении страха, отчаяния и одиночества, об их сопротивлении злу и несправедливости этого мира и их борьбе за спасение единственного близкого человека – своего дедушки.

Татьяна Андриевских

В тыквах под снегом

Когда всё начиналось, их было только двое – дедушка-железнодорожник и мальчик шести лет. Жизнь их тогда была такая неспешная, счастливая, казалось, что время остановилось для них, а потому и не нужно им никуда спешить и ни о чём тревожиться.

И сейчас, когда я оглядываюсь назад и вижу дедушку, идущего на службу в тёмное морозное утро, и спящего под двумя одеялами маленького Колю, и завтрак на столе, заботливо укутанный полотенцем – мне кажется всё произошедшее с ними позже – почти невозможным, почти сном. А ведь всё это было.

***

Они жили в маленьком городке, на втором этаже старого деревянного дома, совсем рядом с железной дорогой, и стеклянная люстра каждый раз пела свою нехитрую песенку, встречая и провожая поезда.

Вот их дом. Комната и кухня. Круглый стол, скатерть свисает до самого пола, образуя то грот в скале, где Коля прятался от пиратов, то военный штаб, где его, раненного, награждали. Над дедушкиной кроватью, всегда по-военному

безупречно прибранной – старая пожелтевшая фотография девушки. Она смешно одета – штаны-шаровары и короткая куртка, как у Буратино. Она стоит со своим велосипедом среди цветущих каштанов и улыбается. Это Колина бабушка.

Можно сказать, что всё началось в тот день, когда дедушка заподозрил кражи на станции. Каждый раз он приходил со службы всё более встревоженный и омрачённый.

– На станции творится чёрт-те что, – жаловался он внуку, – начальники воруют, а обвинят, боюсь, меня. На прошлой неделе украли дизель, а теперь исчез локомотив, – дедушка тяжело опустился на стул.

– Я уже старый, Коля, и боюсь оставить тебя одного. Был бы у тебя хоть брат, мне было бы поспокойней. Эх, знать бы, что ты не один на белом свете!

Вот после этого разговора Коля и стал мечтать о брате. Но не потому, что боялся одиночества, просто ему вдруг очень захотелось показать брату все свои самые ценные вещи из ящика под кухонным столом. В какой то момент ему показалось, что если очень постараться, можно самому раздобыть себе брата. Когда он поделился этой мыслью с дедом, тот вдруг поддержал его: "А что, может и повезёт тебе – в детстве оно чего только не бывает!"

И вот раз, когда дед был на службе, Коля взял зачем-то старую меховую шапку, положил туда свой молочный зуб, окаменевшую ракушку, счастливый автобусный билет, походил туда-сюда какой то взволнованный, дополнил этот стран-

ный набор гильзой, и напоследок, прислушавшись к себе, капнул туда немного вишнёвого варенья. Во-первых, он его очень любил, и чувствовал, что оно может поспособствовать чудесам; а во-вторых, оно было похоже на кровь, и от этого всё становилось настоящим. Ближе к вечеру он вышел в парк и пристроил шапку в дупло старого дерева. Он хотел выждать три дня, прежде чем идти проверять, но ночью пошёл дождь, и утром Коля заволновался – “А вдруг, уже?!” Он вернулся в парк, отыскал дерево и отодвинул ветку. В шапке никого не было. Но к этому он готовился, когда шёл через парк к знакомому клёну, пытаясь выровнять дыхание. Его поразило другое: какими жалкими и беспомощными показались ему все эти вещи, когда-то такие ценные, а сейчас сиротливо лежащие на дне старой мокрой шапки.

Дедушка рано отправлялся на службу, весь день он ходил по рельсам, заглядывал под вагоны и непостижимым образом взаимодействовал с этими огромными чёрными механизмами. Коля завтракал один, до обеда бродил по городу, а потом шёл на станцию к деду. Вместе они обедали, сидя в роще на поваленном дереве и глядя на проходящие поезда. А вокруг – то дрожала на ветру озябшая черёмуха, роняя к их ногам крошечные мокрые лепестки, то вздыхала сирень, то тополиный пух по-доброму щекотал нос и лип к бутербродам.

Шиша появился у них в середине лета, когда цвела ли-

па, щедро раздавая налево и направо свои обещания. Коля потом любил перебирать в памяти подробности этого дня, словно разом высыпал в рот целую коробку леденцов и перекатывал их во рту, наслаждаясь разноцветной сладостью. Они вместе с дедом возвращались с работы, начинался вечер, но липы ещё гудели от пчёл, было жарко и пыльно, и они зашли на лодочную станцию к дедушкиному товарищу. И пока деды говорили о своём, Коля бродил вдоль пристани и вдруг услышал плач. Он сразу пошёл на звук и скоро вышел к складу старых деревянных ящиков. Там, на замусоренном дворе, он и увидел его – коричневый щенок, довольно крупный уже, но худой, на коротких широких лапах, со слишком большой головой и странными ушами, которые торчали не вверх и не вниз, а в стороны. Коля как будто сразу узнал его и почему то вспомнил мокрую шапку в дупле. Но он ничего не просил, он просто смотрел во все глаза то на дедушку, то на щенка.

– Да он тут давно, – объяснил дедушкин товарищ, – он сначала всё под лодками жил, а теперь вот сюда прибился.

И тогда дедушка сказал самые прекрасные слова:

– А что, щенок хороший!

Всю дорогу Коля нёс его сам, руки слабели от усталости, щенок кряхтел и оползал вниз. И чем тяжелее была эта ноша, тем острее он чувствовал то неожиданное счастье, которое на него вдруг обрушилось.

Дедушка предложил назвать щенка Шиша Раданович, в честь своего друга, моряка из Сербии, с которым они в юности служили на корабле. Шиша Раданович очень любил собак – да так, что двоих своих любимцев тайно провёл с собой на корабль. Он делил с ними свой паёк и тяготы службы, а они служили ему верой и правдой, слушались его с полуслова, и даже без слов; и знали, когда можно отсидеться в подсобке, а когда нужно выйти и помочь Шише или просто повеселить всех.

– Я бы никогда не предложил назвать щенка в честь своего друга, – сказал дедушка, – если бы не знал наверняка, как он был бы этому рад. Шиша был самым весёлым и самым сильным на корабле, вот капитан и закрывал глаза на его собак, – вспоминал он.

– Вот ты сейчас поймёшь, каким был Шиша Раданович. Однажды в нижнем отсеке образовалась пробоина и вода хлынула в трюм. Шиша разогнул стальную пластину обшивки, прижал её к дыре и своими огромными ладонями удерживал так больше часа, хотя острые струи со страшной силой били ему в лицо. А наверху кричали в ужасе его собаки и рвались на помощь. И сквозь шум воды и рёв насоса было слышно как Шиша кричал своим собакам: "Чекайте ме, чекайте ме!", пытаясь их успокоить. На его родном языке это значило "Ждите меня!"

Теперь они вместе выходили гулять и до обеда бродили

вдоль речки, прыгали по деревянным настилам на стройке, на пустырях разжигали костры и поджаривали бутерброды. Они любили валяться на траве и ловить кузнечиков. Вечером Коля читал вслух, а щенок Шиша дремал и слушал.

Кончилось лето. Однажды, прохладным сентябрьским днём, друзья шли вдоль речки, а по воде плыли жёлтые ивовые листочки и было настроение молчать и жевать травинки. Расталкивая коленями высокую траву и позабыв о времени, они всё шли и шли, словно и сами скользили по течению реки всё дальше и дальше. Вдруг шорох в камышах заставил их остановиться. Осторожно ступая, они приблизились, но когда подошли совсем близко, кто-то маленький юркнул в густые заросли. "Смотри!" – прошептал Коля. На деревянном мостике, который прятался в камышах лежала маленькая самодельная удочка.

Следующим утром Коля с Шишей снова отправились на речку чтобы выследить таинственного рыбака. Они подкрались и раздвинули тростник. На мостике спиной к ним сидел малыш в розовых ползунках и удил рыбу. И хотя ползунки были разрезаны и превращены таким образом в штанишки, они всё равно были безнадёжно малы, и малыш их то и дело поддёргивал. Куртка на незнакомце тоже была очень короткая, а ботинки велики и изрядно поношены.

– Эй! – позвал Коля.

Малыш вскочил и хотел было нырнуть, но в последний момент передумал и скрылся в камышах.

– Малыш, меня зовут Коля, я тебя не обижу, выходи!

Но никто не появился.

– У меня с собой бутерброды!

Тишина.

– Если не выйдешь, я заберу твою удочку!

Тогда камыши зашевелились и появился малыш. Он был смущён и всё время поддёргивал свои штанишки.

– Как тебя зовут? – спросил Коля.

– Тома, – ответил малыш.

Это была девочка.

Оказалось, Тома ушла от родителей и жила теперь одна в камышах. На вопрос, сколько ей лет, она ответила: "тли". Так и порешили, ведь проверить никто не мог. Коля взял маленькую ладошку, всю пропахшую рыбой, и повёл домой. "Только бы! Только бы!" – мечтал он всю дорогу.

– Мииилости прооосим, – сказал дедушка очень удивлённо, как только дети вошли.

Но сразу так деловито и ладно пристроил Томину удочку в углу, что Коля выдохнул.

– Почему ты ушла от родителей? – спросил дедушка.

– Так лучше, – ответила Тома.

Больше она ничего не сказала. Но по тому, как вдруг дёрнулся её подбородок, дедушка понял, что они пили.

Первый день Тома очень стеснялась ползунков, поэтому так и ходила по дому в своих больших некрасивых ботинках.

Анатолий Васильевич достал чемодан со старыми Колиными вещами, из которых тот давно вырос, и подобрал для Тома одежду по размеру. Дети бегали по комнате, играли с Шишей, а дедушка готовил ужин и радовался, слушая смех, лай и топот детских ног.

Так у Коли появилась сестрёнка. Спала Тома на кухне, в гамаке, который соорудили из покрывала. Перед сном, в темноте, Коля рассказывал ей сказки, которые придумывал на ходу. Тома слушала, затаив дыхание, а под столом похрюкивал во сне Шиша.

В одно субботнее утро все проснулись особенно счастливые, и потому решили этот день назначить Томиным днём рождения. Мальчик подарил сестре свою любимую книгу "Великие первопроходцы", а дедушка спросил Тому, что она хотела бы получить в подарок.

– Тёплую куртку, – призналась девочка.

Дедушка вытащил из буфета почти все свои сбережения и побежал на рынок, а ребята принялись лепить торт. Накрошили печенья в миску, налили сгущёнки, слепили шар, приплюснули его, а сверху украсили жёлтыми осенними листьями и маленькими сиреневыми цветами хризантем, которые последними цвели в эту осеннюю пору в палисаднике. Получилось прекрасно! Дети сели ожидать деда. Тот примчался раскрасневшийся, прямиком, не разуваясь, зашёл в кухню (первый раз такое было с дедушкой!), достал из жестяной чайной коробочки оставшиеся деньги и снова исчез. Де-

ти не выдержали такого долгого ожидания и принялись резать торт. У каждого на тарелке лежал кусок с жёлтым кленовым листом и сиреневой звёздочкой. Дедушка пришёл счастливый, торжественный. Он вручил Томе овчинную куртку – тулуп. Это было чудо, потому что девочка мечтала именно об овчинном тулупе, но постеснялась сказать. Все были счастливы. Дедушка налегал на торт. Он никогда не ел ничего вкуснее!

Но вот и в нашу, такую счастливую, историю пришла беда. Пришла и потащила за собой вереницу горестей и лишений. Вечером, когда малыши ждали деда с работы, в дверь постучали. На пороге в компании начальника станции стоял милиционер.

– Ваш дедушка обвиняется в крупных хищениях железнодорожного имущества, – монотонно бубнил он, – в числе прочего – локомотив, дизель, несколько километров железнодорожного полотна, билеты на поезда дальнего и ближнего следования...

Коля почувствовал в ногах странное противное чувство, похожее на тошноту. Он отвёл Тому на кухню, посадил в гамак, потом вернулся и ответил визитёрам:

– Дедушка предупреждал меня, что на станции процветает воровство. Каждый день он замечал новые кражи. Дедушка чинил рельсы и локомотивы, а не воровал их.

Хотя мальчик старался говорить чётко и правильно, голос

его не слушался – дрожал, воздуха не хватало, и слова застревали в горле.

– Дедушка предупреждал, что когда приедет инспекция, во всех кражах могут обвинить его, потому что он старый и не сможет за себя постоять. Так и случилось! А когда украли локомотив, дедушка очень переживал – он его всё лето ремонтировал.

– Так или иначе, но твоему дедушке придётся сесть в тюрьму, – спокойно сказал милиционер, и они с начальником станции удалились.

Ребята побежали на станцию, к деду. но они опоздали. Дедушку уже увозили в арестантском вагоне. Они видели его сквозь зарешечённое окно, он прислонился лицом к стеклу, плакал и что то говорил детям, но те не слышали его, только по губам они смогли разобрать несколько слов:

"я не спекулянт...

я не брал билеты...

...локомотив...украли...

берегите себя, дети!

я напишу..."

Ребята вернулись и забились в свой домик под столом. Им было очень страшно, особенно Коле. Ведь он был старшим, а значит, должен был решить, что делать. Но он не знал, что. Он старался держаться и быть сильным, и у него почти получилось, но тут он зачем-то выглянул из-под стола, и с на-

деждой оглядел комнату, но увидел лишь инструменты, разложенные дедушкой возле сломанного комода. И тогда он заплакал – громко, в голос, как он ещё никогда не плакал.

Так они и заснули под столом. А утром Коля вылез и побрёл на кухню варить кашу – надо было кормить сестру. За завтраком они всё обсудили и решили, что обязательно что-нибудь придумают и вызволят деда. И надежда, словно весенний тёплый ветер, залетела на их маленькую кухню.

На следующий день снова пришёл начальник станции и объявил детям, что квартира, в которой они живут, принадлежит железной дороге. А раз Анатолий Васильевич в тюрьме и не работает больше на станции, дети не имеют права здесь жить.

– Немедленно освободите квартиру! – потребовал он.

Коля начал просить:

– Не выгоняйте нас! У меня маленькая сестра, нам некуда идти. Я пойду работать на станцию. Меня дедушка многому научил.

– Не бывать этому! – уже уходя, сказал начальник, – во-первых, ты ещё маленький, а во-вторых – неблагонадёжный!

Дети принялись собирать вещи. Коля взял портрет бабушки, фонарь, несколько своих любимых книг, последний подарок дедушки – грузовик, мешок со своей и дедушкиной одеждой, свою и Томину постель, а ещё чемодан с адресами дедушкиных фронтовых друзей (которые давно умерли), фотокарточками, квитанциями, удостоверениями и почётными

грамотами.

У Тома всё имущество составляли книга "Великие первопроходцы" и новый тулуп.

Это может показаться невероятным, но дети сами всё это утащили. Ребята надели на себя побольше одежды. Тома несла в одной руке сумку с крупами, в другой – бабушкин портрет, завёрнутый в одеяло. На спине в рюкзачке лежали гамаки и подушка. Мешок с книгами был привязан к спине Шиши. Коля нёс всё остальное. Ребята вышли из дома и двинулись в путь.

– Нам нельзя уходить из города, – сказал мальчик, – дедушка может написать.

К ночи малыши обосновались в лесу за городом. Они развели костёр, сварили кашу, развесили свои гамаки на дереве и улеглись в них. Так ребята прожили две недели. Каждое утро Коля бегал к своему дому смотреть почту, но письма от деда не было.

В их квартире уже поселились новые жильцы.

Стоял конец октября, почти каждый день шли дожди. Одеяла и меховая куртка промокли, и малыши сильно мёрзли. Они всё время хотели есть, а по ночам плакали от холода. А осины, как будто в насмешку, щедро клеили к их мокрым сапожкам свои золотые монеты.

Однажды, когда Коля ушёл в город проверять почту, Тома с Шишей отправились в глубину леса на разведку и через некоторое время вышли к стоянке лесорубов. Стоянка

пустовала, все были на работе – до лагеря доносились звуки пил и топоров. На поляне были сколочены деревянные навесы и столы, дымилось кострище, на столах и возле костра стояли закопчённые котлы. Девочка и щенок обошли весь лагерь и внимательно всё осмотрели. Когда вернулся Коля, Тома ему рассказала о своей находке.

С тех пор ребята каждое утро отправлялись в лагерь дровосеков. Они обнаружили, что рядом с тлеющим костром всегда стоит огромный котёл с горячим чаем. Над тлеющими углями они развешивали на просушку свою одежду и одеяла, а сами залезали в чан. Так они сидели часами, погрузившись по самую шейку в горячий чай и отогревались. Перед возвращением лесорубов ребята вылезали из чана, закуты-вались в свои тёплые сухие одеяла и убегали к себе. Там они ложились в гамаки и дремали.

Так проходили их дни. Трудности сплотили их ещё больше, и они стали настоящими братом и сестрой. Им казалось, что они когда-то разлучились, и теперь, после долгой разлуки, нашли друг друга. Вечером, лёжа в своих гамаках, малыши вспоминали разные истории, придумывали небылицы, или Коля рассказывал свои любимые книжки.

Так они прожили до ноября.

Однажды утром Коля ушёл в город проверять почту, а Тома, прихватив с собой мокрые одеяла, направилась в лагерь лесорубов отогреться в чае.

Но котла с чаем на привычном месте не оказалось, и Томе

пришлось залезть в чан с тёплым супом – так сильно девочка замёрзла.

Когда вернулся Коля, Тома, блестящая от жира, завернутая в одеяло, сидела у костра и ворошила угли.

Коля пришёл такой уставший, маленький и грустный. Он сказал:

– Дедушка прислал письмо, он в тюрьме, болен. Наверное, я его больше не увижу.

Мальчик сел возле костра и горько заплакал, размазывая слёзы по лицу грязными кулачками.

«Любимые малыши, – писал дедушка, – я в тюрьме, меня приговорили к 25 годам. Вы уж не сердитесь на меня, но столько я не протяну, ей-Богу! Так что, наверное, больше не увидимся. Вы теперь совсем одни, жить вам не на что, выход один – идите работать в колхоз. Может, вам дадут посильную работу и будут хоть немножко платить. Надеюсь, из квартиры вас не выгонят.

Держитесь. Верю в вашу звезду.

Ваш дед Анатолий Васильевич.»

– Ты не отчаивайся, – сказала Тома, – мы что-нибудь придумаем и вытащим дедушку. А сейчас мы должны идти в колхоз, как он завещал.

После этих слов Коля почувствовал, что надежда вернулась к нему, а с ней и силы.

Малыши собрали вещи и тронулись в путь. В колхозе им

сказали, что специальной работы для них нет, но если они хотят, могут выходить вместе со всеми на сбор тыквы. Бригадир выдал ребятам топоры, и те сразу же отправились на поле.

День был солнечный, морозный, а воздух такой прозрачный, что было видно далеко-далеко вперёд. Трава серебрилась от инея и хрустела под ногами сахарной корочкой. Скоро малыши увидели бескрайнее поле, а на нём – огромные золотые шары. Некоторые тыквы были почти в рост Тома.

Малыши резво работали топорами, перерубая тыквенные черешки, но их ждало сильное разочарование, когда они попытались перетащить первую же тыкву – она была такая тяжёлая, что дети едва сдвинули её с места. И тогда Коля придумал достать колёса из своего грузовика и приладить их, воткнув ось в тыкву. Так, переставляя колёса от одной тыквы к другой, ребята накатали большую кучу.

В конце рабочего дня пришёл бригадир.

– Отличная работа, малыши! – сказал он.

– Вижу, вы справляетесь. Я буду платить вам по 5 рублей в день, как и другим колхозникам. Кроме того, вы будете бесплатно питаться в колхозной столовой. Только вот жилья я вам дать не могу – все комнаты уже распределены.

– Если вы не против, мы будем жить в тыквах, – сказала Тома.

Вечером, после ужина, ребята вернулись на поле, выбрали две самые большие тыквы, и одну поменьше – для Шиши, и

перетасили в свой лагерь. Топорами выдолбили в них люки, вычерпали волокнистую середину и улеглись там, каждый в своей тыкве. Конечно, там было тесно и сыро, и всё же это было укрытие от пронизывающего осеннего ветра. Тут же, под поваленным деревом, ребята припрятали и свой багаж.

Пока дети работали в поле, Шиша или лежал в своей тыкве, или промышлял возле колхозной столовой.

Несмотря на выдумку с колёсами, малыши сильно уставали. Вечером, забравшись в свои тыквы, они едва успевали отковырнуть от стенок пару семечек и съесть, как тут же засыпали. Все заработанные деньги дети сохраняли и прятали в надёжном месте, они мечтали выкупить дедушку из тюрьмы.

Ребята проработали так уже больше двух недель, когда пришло второе письмо от деда. Он писал адрес тюрьмы и добавлял, что силы его на исходе, и он не надеется дожить до конца года. Малыши вдруг замёрзли, будто налетел ледяной ветер, съёжились, и попрятались по своим тыквам. Коля свернулся калачиком, плотно закрыв люк крышкой, но до Томы ещё долго доносились звуки, будто где-то далеко-далеко воет потерявшийся волчонок. Всю ночь девочка не сомкнула глаз, загрубевшими от работы пальчиками она отколупывала семечки от стен и всё думала, думала – что делать?

К утру решение было готово.

– Мы едем в городок, откуда я родом, – сказала она брату, – навестим одного мальчонку. Он сможет нам помочь.

– Но как? – Коля вытер нос кулаком.

– Парнишка – травник, – ответила Тома.

Поехали на электричке. По пути девочка рассказала, что когда жила дома, дружила с одним малышом. Его звали Валентин, он был на год старше. Парень с двух лет увлекался травами, потом начал делать различные сборы. Вскоре Томины родители продали дом и перебрались жить в село, а потом и Тома ушла из семьи. Про Валентина она больше ничего не слышала.

– Я верю в Валентина. Может быть, он подберёт сбор, который поможет дедушке продержаться, пока мы его не купим, – заключила Тома.

Малыши приехали и отправились по нужному адресу. У калитки их встретил мужчина в военной гимнастёрке. Это был папа Валентина. На вопрос о сыне лицо у него погрузнело, он махнул в сторону леса:

– Валентин в лесу, делает сборы.

Когда малыши подошли к лесу, из зарослей вышел мальчик четырёх лет. Он тепло приветствовал Тому, а Коле представился:

– Валентин, травник.

По дороге домой мальчонка разговорился:

– Ты молодец, что ушла, Тома. Я ведь тоже хотел уйти, но не решился. Мои родители, особенно папа... – тут малыш замялся, – ...стесняются меня. Папа служит, и братишки мои все по военной части пущены, учатся в Суворовском. А я,

ну, в общем... не такой, как надо... Сослуживцы посмеиваются над папой, братья тоже стесняются меня; когда приезжают из училища, дразнят "колдуном", уничтожают сборы.

Ребята подошли к дому. Валентин достал из своей котомки несколько кусочков коры, кисточку сморщенных от мороза таинственных ягод и внимательно рассматривал их на ладони, что-то бормоча себе под нос. Из окна на него смотрел папа с невыразимой горечью на лице. Мальчик повёл друзей в дом. В прихожей выстроились в линейчку пять пар начищенных до блеска сапог – братья прибыли в увольнение. Вся семья собралась за накрытым столом, во главе которого восседал папа в кителе. Мама обносила братьев блюдом с котлетами, те кивком головы благодарили. Папа встал произнести речь. Валентин повёл друзей в свою комнату. К столу их не пригласили.

Мальчик налил гостям липового чая.

– Вот, в этом году липы заготовил, – Валентин кивнул на картонные коробки под кроватью. – Ну, так что у вас случилось?

Ребята рассказали свою историю.

– Есть такой сбор, – обнадёжил Валентин. – Думаю, он поможет вашему дедушке продержаться.

Он объяснил ребятам, как заваривать и пить траву, и выдал пакетик с зельем.

Дети простились с Валентином и направились напрямиком в тюрьму. Они решили поскорее передать дедушке травы, а

заодно выяснить, сколько денег им потребуется, чтоб выкупить его.

Когда ребята прибыли на место, то первым делом направились в кабинет директора тюрьмы. Они были настроены очень решительно. Первой взяла слово Тома:

– Уважаемый директор тюрьмы! – начала девочка. – У вас пребывает наш дедушка. Он ни в чём не виноват, поэтому мы хотим его выкупить. У нас есть 140 рублей, которые мы можем вам предоставить.

Коля молча слушал и гордился сестрой. «Я бы так никогда не сказал!» – восхищённо подумал он.

Директор ничего не ответил. Он взял бумажку, написал на ней «100 000», сунул ребятам под нос, потом положил в рот, разжевал и съел. Тома ещё не умела считать, но по лицу брата она поняла, что это очень много.

– Вы должны сократить сумму! – воскликнула девочка.

Директор презрительно махнул ребятам рукой на дверь – мол, убирайтесь. Малыши удалились. Повидаться с дедушкой им не разрешили, и они через охранника оставили ему передачу. Траву они пересыпали в коробочку из-под чая, а в середину булочки всунули записку:

«Здравствуй, дедушка!

Мы тебя обязательно вытащим! А ты пей пока этот чай, он тебя укрепит. Пей 3 раза каждый день по маленькому стаканчику. Скоро приплём ещё. У Томы и Шиши всё хорошо, они здоровы. Держись.

Твои внуки».

Ребята вернулись в колхоз. Сбор тыкв уже закончился, и они подрядились перебирать овощи. Жили по-прежнему в тыквах. Уже давно стояла настоящая зима – с морозами, сугробами. Тому очень выручал тулуп, а Коля одевал на себя сразу всю свою одежду. Ребята время от времени отправляли в тюрьму посылку с новой порцией травяного сбора. Наступил Новый Год, но дети этого даже не заметили – они дрожали в своих тыквах, плотно закрыв люки, и не слышали ни фейерверков, ни боя часов. Через некоторое время от дедушки пришло письмо. Оно было таким невнятным, сумбурным, что становилось понятно: дедушка не в себе, рассудок его затуманен. Линии были тонкие, как паутинки – дедушка настолько ослаб, что с трудом держал карандаш.

Дети сразу помчались в тюрьму. Они недоумевали, почему травы не действуют. Когда они прибыли, к ним вышел охранник и сообщил, что дедушка очень слаб, не встаёт с постели.

– Будьте мужественны, малыши, – сказал он. – Ваш дедушка угасает.

Только теперь дети поняли, что перед ними тот же охранник, через которого они передавали посылку, только невероятно посвежевший. Набрякшие мешки под глазами исчезли, на щеках играл румянец, некогда блестящая лысина подёрнулась пушком. В прошлый раз охранник очень дурно пах, теперь же он источал свежесть, а когда говорил, веяло цве-

тами и смолами. Дети всё поняли. Травяной сбор Валентина ушёл не по адресу. Малыши двинулись в обратный путь. Ехали молча. Травы, которые дал Валентин, кончились, а новые могли быть теперь только летом. Дети понимали, что в таких условиях дедушка до лета не доживёт. Из его писем они знали, что в тюрьме лютый холод, стекла в окне камеры нет, только решётка. За ночь дедушку припорашивало снегом, а суп из куриных клювов превращался в ледышку.

Малыши вернулись к своей работе, перебирали овощи на складах. Денег им теперь не платили, но они могли по-прежнему пользоваться столовой. Шиша заболел. Целыми днями он лежал в своей тыкке, глаза у него гноились, он ослаб, в столовую ребята носили его на руках. Но хуже всего было Коле. Теперь перед ним вставал вопрос – что делать с Томой? Работа в колхозе была слишком тяжёлой для такой маленькой девочки. Жить в тыквах под снегом стало совсем невыносимо, из-за тесноты дети лежали, свернувшись плотными клубочками, как личинки. Коля понимал, что Тома, хотя и очень смышлёная и самостоятельная девочка, на самом деле ещё совсем маленькая; иногда она писалась во сне, хотя и скрывала это.

Мальчик стал подумывать о приюте. Но его останавливала мысль, что их могут разлучить, распределив по возрастам. Однажды во время работы он всё-таки завёл с сестрой этот непростой разговор

– Там у тебя будет кроватка, и ты не будешь мёрзнуть, тебе

не нужно будет целыми днями перебирать овощи.

Но Тома и слушать не захотела:

– Пока дедушка жив, есть надежда. А в приют нам нельзя. Из-за Шиши. Его ведь туда не возьмут. Из колхоза уходить не будем, мы должны держаться столовой.

Ребята стали разрабатывать план, как выкрасть деда. Вдруг пришла телеграмма от Валентина. Писать он ещё не умел, поэтому надиктовал телеграмму на почте: «ребята приезжайте есть разговор».

Малыши незамедлительно выехали. Шиша из-за болезни не мог сопровождать друзей, а те побоялись оставить его одного, поэтому они соорудили из старого гамака заспинный мешок, погрузили туда Шишу и потащили с собой.

Валентин перебрался жить во временку, где и встретил гостей. Мама приносила ему еду, а на ночь растапливала печь. За ночь домик вымерзал, и утром малыш сам топил. Весь день Валентин баловался травяными чаями и составлял сборы. Он рассказал ребятам такую историю:

На одном из воскресных обедов вся семья чем-то отравилась, у всех был сильный понос и рвота. Тогда родители обратились к Валентину за помощью. Парень был счастлив помочь. Он всегда чувствовал свою вину перед семьёй и мечтал принести пользу родным. Валентин предложил новый сбор, и уже через десять минут перестала хлопать дверь туалета, стихли звуки рвоты. Мальчишка был так рад! Но вдруг к нему подошёл папа и сказал:

– Я всегда мечтал иметь идеальную семью, где все дети, как горошины в стручке. А ты всё испортил.

Тут вступила в разговор мама:

– Из-за Валентина семья лишилась своей гармоничной целостности, – сказала она.

– А я даже рад, что есть Валентин, – подал голос один из братьев. – Не будь его, искали бы грешки у нас, и уж наверное, догадались бы, что я краду дома деньги и в училище проигрываю их в карты.

Родители были в ужасе, они не верили своим ушам. Это сказал их любимый сын, на которого были такие надежды! Отец метил его в академию. После этого разговора, особенно после слов мамы, Валентин перебрался жить во временку. Он всё думал, почему родители сказали ему это прямо в глаза, и почему брат так странно себя повёл? И вдруг парня осенило – это побочное действие его лекарственного сбора! Под действием этого зелья люди говорят правду.

– С помощью этого сбора мы попытаемся спасти вашего дедушку, – закончил свой рассказ Валентин.

Коля знал, что начальник станции оклеветал дедушку, и теперь появилась возможность разоблачить его. Всю ночь ребята не сомкнули глаз, они разрабатывали план, и к утру всё было продумано до мелочей.

– Можно, я пойду с вами? – напоследок попросил Валентин, – Может быть, мои знания пригодятся?

Коля и Тома предупредили, что живут в тыквах, под сне-

гом. Это не напугало парнишку:

– Я нарушил гармонию семьи. Я должен уйти.

Итак, было решено идти вместе. Мальчик пошёл попрощаться с родителями.

– Если вы не против, я уйду с друзьями, – сказал он.

Начались сборы. Родители проявили необыкновенную теплоту, прощаясь с сыном. Пока отец собирал и укладывал тёплые вещи, мама варила яйца, заворачивала их в газету, резала хлеб и колбасу, и даже не забыла положить кулёчек с солью. Валентин, тем временем, укладывал травы. Тома с Колей ему помогали. У калитки стали прощаться.

– Пиши нам, сын! – отец смахнул со щеки слезу. – Как только научишься, – спохватился он.

– Ты уж извини, если что не так, – глаза у мамы увлажнились.

– Я не обижаюсь, – честно ответил Валентин. – Как говорится, кто старое помянет... – мальчонка любил при случае сказать что-нибудь народное.

Малыш накинул на спинку котомку с провизией. Коля надел на плечи рюкзак с одеждой и одеялом. Шишу из за спинного мешка пересадили в сумку-тележку, Тома тащила её за собой. В каждую свободную руку дети взяли по коробке с травами. Ребята двинулись в путь. Родители ещё долго махали им, пока три маленькие фигурки не скрылись за поворотом.

Когда малыши добрались до места, решено было из тыкв

перебраться в дупла больших деревьев. Там было просторнее и можно было завернуться в одеяло. Но дупла были длинные и узкие, в них можно было только стоять. Коля не зря был самым старшим – он, как всегда, придумал очень мудрое решение:

– Мы повалим деревья и будем лежать в дуплах!

Весь день малыши работали топорами, и к ночи повалили три огромных дерева. На следующий день дети сели писать письма. Первое письмо предназначалось начальнику железнодорожной станции. Дети сочиняли все вместе, а Коля писал:

«Уважаемый Эрнест Матвеевич!

Пишут Вам прокурор и судья по делу Анатолия Васильевича. Извините, что отрываем Вас от дел – мы знаем, что Вы незаменимый человек в городе, а особенно на станции. Но снова требуются Ваши показания, очень просим Вас придти в суд 15 февраля, в 11 часов утра.

С уважением,

прокурор, судья и все-все-все».

Второе письмо направлялось в суд:

«Уважаемый судья!

У меня появились новые, чрезвычайно важные сведения, которые я хочу Вам сообщить 15 февраля, в 11 часов утра. Необходимо присутствие всех представителей суда и важных лиц города.

С уважением,
Эрнест Матвеевич, начальник станции».

Следующим пунктом плана было заставить Эрнеста Матвеевича выпить отвар. Это было самое сложное. Посоветовавшись, решили, что Валентин накануне 15 февраля проберётся в дом начальника и подмешает ему зелье в чай.

А пока Валентин занимался лечением Шиши. Каждый день он промывал щенку глаза чудотворными отварами, втирал в животик целебные масла, окуривал его тлеющими веточками и даже массировал подушечки на лапах. Скоро Шиша стал выздоравливать. Тома и Коля целыми днями трудились на овощных складах, они боялись, что им откажут в столовой. Вечером они возвращались в свой лагерь на опушке леса, доставали из-за пазухи кулёк с тефтелями, жареную треску или голубец, и кормили друзей – Валентина и Шишу.

Подошло 15 февраля. Ночью, накануне, Валентин пробрался в дом начальника через малюсенькое окошко в ванной комнате. Оно было такое маленькое, что хозяева и не подумали его зарешетить. На всех остальных окнах стояли мощные решётки, а по ним был пущен ток. Валентин пробрался и затаился до утра. Утром хозяин вышел на кухню и приготовил себе яичницу и чай. Как только Эрнест Матвеевич сел к столу, Валентин громко стукнул и спрятался в укрытие. Хозяин поперхнулся от неожиданности, встал и пошёл посмотреть, что это за шум в пустой комнате. Как толь-

ко он вышел, мальчишка забежал на кухню, налил в чашку с чаем из своей бутылочки и уже хотел шмыгнуть обратно, но не успел – вошёл хозяин.

– Ты кто такой?! – рявкнул он.

Парень не растерялся:

– Помощник по кухне, – достойно ответил он, и добавил – Меня наняла ваша супруга.

– Что за чёрт!!! – прогремел Эрнест Матвеевич, – Моя супруга в отъезде! Откуда ты взялся? Сколько тебе лет?

– Шесть лет, – Валентин немножко накинул. – В мои обязанности входит готовить вам завтрак.

– Ты врёшь, негодяй! У меня есть внук, я знаю, как выглядит мальчик в шесть лет! Тебе года четыре, не больше!

Тут он взглянул на руки парня. Они были красные, обветренные, в цыпках и царапинах, с грязными ногтями. Пахло от парнишки тоже не очень приятно, он ведь жил в стволе дерева и давно не мылся. (Вообще-то, Валентин не был грязнулей. Дома на стене в его комнате висело цинковое корыто, и малыш сам каждый день готовил себе ванну.)

– Как ты смеешь такими руками подавать мне чай! От тебя пахнет, как от бродячего пса, – начальник брезгливо оттолкнул протянутую чашку.

Насчёт запаха, это была правда, пока Валентин лечил Шишу, он им насквозь пропах. Тут Эрнест Матвеевич вспомнил, что ему пора уходить.

– Я ухожу в суд, – сказал он, – А когда вернусь, выведу

тебя на чистую воду, проходимец, аферист!

Он закрыл Валентина, а сам поспешил в суд.

К счастью, он запер мальчика именно в ванной комнате, и тот без труда выбрался наружу из того же маленького окошка.

– Ничего не вышло, – выпалил он, прибежав к друзьям. – Он понял, что я аферист.

– Вот, – Валентин достал из-за пазухи бутылочку с отваром и сунул Коле. – Попытайся перехватить его в пути.

Коля схватил бутылочку, крикнул «Шиша, за мной!» и бросился вдогонку.

Сначала он ещё не знал, как будет действовать, решение пришло на ходу. Завидев впереди знакомую, гордо удаляющуюся спину, обтянутую чёрным пальто, мальчик сказал негромко:

– Шиша, схвати его!

Шиша никогда не обучался командам, он ведь был другом малышей, а не служебной собакой. Но сейчас он мгновенно и безошибочно выполнил поручение. Он бросился на начальника, схватил его за штанину и изо всех сил дёрнул. Эрнест Матвеевич заскользил по льду, замахал руками, пытаясь сохранить равновесие, но потом всё-таки накренился и рухнул. Шиша несколько раз пробежал по нему. Тут подскочил Коля и затараторил:

– Дяденька, Вы не волнуйтесь, я вам помогу встать, – он начал отряхивать Эрнеста Матвеевича. – Какая ужасная

невоспитанная собака, она вас не укусила? Сейчас снегом очистим ваш костюм.

Начальник только хрипел в ответ.

– Вы не волнуйтесь, – продолжал тараторить мальчик. – Всё хорошо. Вот, выпейте, Вам станет лучше, – он протянул бутылочку.

– Что это? – начальник сморщился, глядя на странную бутылочку с зеленоватым содержимым.

– Это морс, мне бабушка сварила, от простуды, – голос у Коли был очень неуверенный, дрожал, срывался, но он настойчиво протягивал бутылочку.

– Спасибо, не надо, – настороженно сказал начальник. – Кстати, где-то я тебя видел. Сдаётся мне, ты часто бывал у нас на станции, – и Эрнест Матвеевич стал припоминать.

– Моя бабушка работает в билетной кассе, – Коля постарался опередить его воспоминания.

– А! Ну да, конечно! Ну, бывай здоров, парень, спасибо за помощь, – начальник зашагал дальше.

Коля стоял, смотрел на удаляющуюся спину и понимал, что это полное, непреодолимое и непростительное поражение.

Он снова бросился вдогонку:

– Эй!!! – крикнул он с таким отчаянием, вызовом и болью в голосе, что у Эрнеста Матвеевича пробежал холодок по спине. Он в ужасе обернулся.

– Ну выпейте же морс! – лицо мальчика сжалось от стра-

дания, по щекам текли слёзы, он протягивал бутылочку.

Эрнест Матвеевич быстро зашагал прочь, постепенно ускоряясь и переходя почти на бег. Коля закрыл лицо руками и заплакал. Скоро к нему подскочили друзья.

– Не плачь, я что-нибудь придумаю, – утешала брата Тома. – Я его догоню.

– Нет, – сказал Коля, – мы опоздали. Скоро он будет в суде. К тому же, он от нас ничего не возьмёт, мы похожи на бродяг. Теперь уже ничего не сделать.

– Где та кофта с матросским воротником – ты в ней на снимках с дедушкой?

– В моих вещах в рюкзаке. Тома, ты не успеешь.

Девочка ничего не ответила, выхватила у Коли бутылочку и, как ветер, помчалась в сторону леса. Через минуту она пробежала на поляну, достала из рюкзака кофту, бережно завернутую в ветхую наволочку, мгновенно переоделась и, уже в матросской кофте, покинула лагерь. К этому времени у Тома начал созревать план. Она, как вихрь, ворвалась в столовую, налила из бака горячий чай в свою бутылочку, схватила поднос, чашку, и умчалась. Тома бежала к зданию суда. Стояла февральская стужа, гудел ледяной ветер, но девочка, хоть и была в одной тонкой кофточке, не замечала мороза. Она бежала так быстро, что прохожие казались ей серыми точками, мелькающими по сторонам. А те, в свою очередь, даже не успевали понять, что же это пролетело мимо – они растерянно крутили головами, но рядом уже никого не было.

Тома больше всего боялась упасть и разбить бутылочку, но скоро она развила такую скорость, при которой уже трудно было упасть. Камни, ямы, обледенелые кочки вдруг перестали для неё существовать. Она пролетала через них быстрее, чем успевала споткнуться. Из глаз вырывались слёзы, щёки раздувались, как паруса. Боль комком пульсировала в пересохшем горле, а во рту разливалась вкусом железа. В одной руке девочка держала поднос и пустую чашку, в другой сжимала обжигающую бутылочку с отваром. В нескольких шагах от здания суда Тома обогнала важно шествующего господина в чёрном обтягивающем пальто, чуть не сбила его с ног и влетела в здание. Она налила в чашку из бутылочки, сунула бутылку в карман штанов, а чашку поставила на поднос. Последним движением расправила матросский воротник по плечам, хотела ещё пригладить волосы, но не успела. В здание вошёл Эрнест Матвеевич.

– Приветствуем вас в здании городского суда, – сказала девочка.

Перед собой на вытянутых руках она держала поднос с чаем. Эрнест Матвеевич остановился и посмотрел на Тому. Лицо её было почти свекольного цвета, с отдельными белыми пятнами, которые на фоне бордового, казалось, имели лёгкий зеленоватый оттенок. Волосы торчали назад трубой. Но больше всего Эрнеста Матвеевича поразило голос девочки. Он напоминал то звуки механической шкатулки, то шипение гуся. «Какой странный ребёнок» – с неприязнью по-

думал начальник станции. Он даже не понял, что перед ним стоит девочка. И конечно, он не знал, что эта девочка самая мужественная и самая отчаянная на всём белом свете. Тома повторила своё приветствие, но лучше бы она этого не делала – Эрнест Матвеевич содрогнулся и хотел отойти. Но тут в глубине коридора он увидел судью, прокурора и главу города, которые в ожидании смотрели на него. «Ах, вот оно что! – подумал Эрнест Матвеевич, – Это ребёнок кого-то из них – может быть, главы города». Чтобы быть любезным, он погладил Тому по голове, сказал громко: «Какое милое дитя!», взял с подноса чашку с чаем и отпил. Судья пригласил его в зал заседаний, и скоро все расселись по местам. Из-за того, что Эрнест Матвеевич не успел позавтракать утром и перенервничал в дороге, лекарство подействовало очень быстро. Начальник станции почувствовал странное покалывание в животе и сильное желание говорить правду.

– Итак, что Вы хотели нам сообщить? Вы говорили о каких-то важных сведениях, – спросил судья.

– Я говорил?! – изумился начальник станции. – Ведь это вы меня просили прийти и уточнить некоторые показания!

Члены суда растерянно переглянулись.

– Какие показания, по какому делу? – недоумевал судья.

– По делу Анатолия Васильевича.

– Какого ещё Анатолия Васильевича?! – судья начал раздражаться.

– Ремонтника со станции, которого я оклеветал и упёк за

решётку.

– Что Вы сказали?! – в один голос воскликнули члены суда, – Повторите?!

– Несчастный пенсионер, которого я обвинил в краже железнодорожного имущества в особо крупных размерах, сидит в тюрьме.

– А где на самом деле это имущество? – спросил прокурор.

– Я продал его за границу, за огромные деньги, – как ни в чём не бывало, ответил Эрнест Матвеевич.

– Значит, Вы пришли с повинной, с чистосердечным признанием? – судья подал знак секретарю, чтобы тот начал stenografировать.

– С каким ещё признанием? – возмутился начальник станции. – Не собираюсь я ни в чём признаваться!

Тут Эрнест Матвеевич почувствовал, что говорит что-то лишнее, усилием воли заставил себя замолчать и поспешил к выходу. Но ему не дали уйти. Судья подал знак охранникам, чтобы те задержали его.

– Вы пока останетесь здесь, – сказал судья. – А вы, – он кивнул сыщикам – отправляйтесь к нему домой с обыском.

Через час сыщики вернулись. Они принесли документы, которые выкопали из цветочных горшков. В этих документах говорилось, какое имущество, в какую страну и за какую сумму продавал Эрнест Матвеевич. На него надели наручники и увели.

Когда ребята прибежали в суд, Тома, как часовой, стояла на прежнем месте, только поднос опустила. Ребята взяли её под руки и оттащили под лестницу. Там они положили её отдыхать, а сами прокрались в зал заседаний и притаились за креслами. Но когда Эрнеста Матвеевича увели, мальчишки перестали прятаться и выглянули из укрытия.

– Дети! Что вы делаете в зале заседаний? – изумился судья.

– Мы услышали, что разговор ведётся про нашего дедушку.

– Ну что ж, ваш дедушка оказался невиновен, вы можете ехать забирать его. Я прямо сейчас позвоню в тюрьму.

Мальши поехали в тюрьму. Их встретил охранник, так удачно укрепивший здоровье, и провёл в камеру. Мальши увидели своего дедушку, которого не видели почти полгода. Он спал на койке, съёжившись, такой маленький и худой. И он был такой старый! Дети его с трудом узнали. Они подошли к деду, из-за пазухи у него юркнула мышь, в миске с супом, что стояла на полу у изголовья кровати, выросла шапка серого нежного пуха. Дедушка проснулся, и хотя он был очень-очень слаб, сразу узнал и Колю, и Тому, прижал детские головушки к своей груди и заплакал. Потом он заметил Валентина.

– Дедушка, познакомься, – сказал Коля, – это наш друг.

– Валентин, травник, – представился мальчонка.

Анатолий Васильевич не мог идти сам, ребята увезли его

на санках. Через два дня были уже на месте. Дедушку определили в ствол дерева. Пред отъездом в тюрьму дети поваляли дерево, и выдолбили в нём глубокую просторную нишу. На заработанные в колхозе деньги ребята накупили тёплых одеял и укутали в них деда. Всю ночь дети жгли костры, Валентин кипятил отвары. Дедушка на глазах стал возрождаться. Он плакал, когда узнал, что при таких суровых условиях, таких трудностях и испытаниях, малыши берегли для него чемодан с адресами однополчан и портрет бабушки.

На железнодорожной станции избрали нового начальника. На этот раз это был честный, добрый человек, он давно знал Анатолия Васильевича и уважал его. Он распорядился выделить для Анатолия Васильевича квартиру, и вскоре дедушка с внуками стали жить в настоящем доме. В квартире было две комнаты. Одну без обсуждений отдали Валентину – его увлечение требовало уединения и сосредоточенности. Коля с Томой, по привычке, выбрали кухню и развесили там свои гамаки. Ну а дедушка и Шиша заняли большую комнату. К лету дедушка так окреп, что вышел на работу. Начальник станции предложил ему на выбор несколько мест: в билетной кассе, продавцом в газетный киоск и дежурным на телефоне, но дедушка предпочёл вернуться на прежнее место – ремонтником. Дедушка загорелся идеей построить дом. Он работал в несколько смен, сверхурочно. Даже более молодые рабочие удивлялись такой работоспособности и советовали поберечь себя. На что дедушка, радостно улыбаясь,

неизменно отвечал:

– Теперь у меня трое внуков, нам нужен свой дом.

Жили очень экономно, почти всё жалованье откладывали. Тома рыбачила, крупную рыбу продавала на рынке, а остальных ели сами. К осени начали строительство. Место для дома выбрали на большой солнечной поляне, на краю берёзовой рощи, неподалёку от станции. В конце августа заложили первый камень, а осенью уже всю шла стройка. Дети помогали деду, стучали молотки. Пахло смолой, свежим деревом и подмёрзшей листвой. Каждый думал о чём-то своём. Валентин мечтал о большой веранде, где он мог бы сушить травы. Дедушка тревожился о Коле – из-за строительства в школу его в этом году не отдали, а к следующей осени ему будет уже восемь. Коля вспоминал, как они с Томой вырубали в тыквах люки, как проскальзывала сквозь пальцы мягкая волокнистая середина, когда они вычёрпывали её руками. И этот запах из глубины тыквы, такой холодный, свежий и немного печальный, как сама осень. Тома ни о чём не думала, она напевала, заколачивая гвоздики, и ей было хорошо.